

Фрагменты из книги Бертольда Ульсамера "Искусство и практика семейных расстановок"

(Bertold Ulsamer "The art and practice of Family Constellations. Leading Family Constellation as Developed by Bert Hellinger". Carl Auer Systeme Verlag, 2003, translated by Coleen Beaumont)

Перевод с английского Елены Веселаго, июнь 2007

Использование материалов данного сайта разрешается только в некоммерческих целях, с обязательным указанием авторов, редакторов, переводчиков и активной ссылкой на www.constellations.ru . [Подробнее о правилах использования материалов сайта](#)

Ин-формирующее поле [1]

В расстановках мы лицом к лицу сталкиваемся с феноменом, когда заместители чувствуют или осознают то, что в действительности относится к другим людям, которых они замещают. Иными словами, заместители перенимают чувства и отношения людей,

которых они не знают. Без этого основополагающего явления, которое лежит в основе всей работы, осуществить расстановку невозможно.

Пример:

Клиент делает семейную расстановку, запрос - ощущение неуверенности в себе как в мужчине. Из пяти мужчин, присутствующих на семинаре, он выбирает одного на роль себя и одного на роль своего отца. Затем он выбирает женщину в качестве заместительницы своей матери. Совершенно молча он расставляет заместителей в пространстве.

Он располагает заместителя своего отца так, что тот стоит, отвернувшись от других. Когда заместителя отца спрашивают о его ощущениях, он говорит, что чувствует себя слабым и отделенным от семьи.

Отвечая на вопросы терапевта, клиент рассказывает, что брат его отца был убит во время войны. Когда в расстановку вводится заместитель для этого умершего дяди, отец смотрит на него, радостно и счастливо улыбаясь, и чувствует сильную связь с ним. Заместитель сына также счастлив и чувствует облегчение, видя своего умершего дядю.

Каждый, кто впервые участвует в расстановках, может только изумляться происходящему. Как может заместитель испытывать такие ощущения и так реагировать? Может ли это вообще быть правдой? Или это только плод воображения заместителей? Или это только спектакль, пусть и из самых лучших побуждений? Однако, то, что чувствуют заместители - далеко не всегда что-то приятное, и, кроме того, эти чувства невозможно предугадать заранее.

Клиентка расставляет заместителей для своей бабушки и для первого мужа этой бабушки, убитого на войне. Оба смотрят друг на друга. Я предлагаю бабушке сказать "Это было ужасно, что тебя убили". Бабушка смотрит минуту на своего мужа и внезапно говорит: "Нет, я была рада этому".

Такие неожиданные заявления могут шокировать, когда они проявляются в расстановках, внезапно, безо всякой дополнительной информации. Мы спрашиваем себя, не является ли это, возможно, следствием собственных проблем заместителя. Не привносит ли он в расстановку свою собственную семейную историю?

Однако, клиенты постоянно подтверждают, что то, что выражают заместители, является правдой. Мы раз за разом постоянно слышим "да, это именно то, что происходит в моей семье". Подчас заместители даже употребляют обороты речи, типичные для того или иного члена семьи, воспроизводят их позы и жесты, ощущают симптомы их болезней. Это происходит, несмотря на то, что заместители не имеют никакой информации о человеке, которого они представляют в расстановке.

Похоже, что место в расстановке имеет значение само по себе, и каждый, кто встанет на определенное место, будет иметь аналогичные реакции. Когда проявляется нечто непредвиденное, как в ситуации, описанной выше, другие заместители в расстановке не находят это чем-то странным и не проявляют удивления. Происходящее кажется им адекватным ситуации в расстановке.

Этот феномен проявляется в каждой расстановке и был описан Альбрехтом Маром (Albrecht Mahr) в 1988 году как "разумное поле" [\[2\]](#). Я выбрал название "ин-формирующее поле", поскольку это поле, которое формирует расстановку и одновременно показывает структуру системы и ее динамики, т.е. формирует и информирует одновременно. Это поле - то, что связывает заместителей с теми людьми, которых они замещают, и которое простирается на всех, кто включен в расстановку. Посредством этого поля те конфликты, которые существуют внутри семьи, могут быть выведены на свет, и могут быть найдены решения.

Другие терапевтические подходы также приходят к заключению, что члены семьи воспринимают от своих семей определенные энергии. Значительные, "судьбоносные" события могут проявляться в членах семьи через поколения, даже если дети не знают о произошедшем. Это изумительно само по себе, но даже это не так изумительно, как то, что проявляется в расстановках, когда совершенно незнакомые люди в течение очень короткого времени осознают вещи, которые известны только членам семьи (которые могут вообще не присутствовать при этом).

Я не пришел к какому-либо удовлетворительному объяснению того, как действует этот

феномен. Все попытки объяснения этого, которые я до сих пор слышал, кажутся мне чрезвычайно упрощенными. Некоторая часть того, что проявляют заместители, может быть объяснена рационально, но самая суть происходящего остается непознанной. Наш здравый смысл и причинно-следственная логика оказываются сбитыми с толку этими вещами, которые не могут быть объяснены рационально, и мы только можем попытаться сосуществовать с этим в течение небольшого периода времени.

Мы можем придерживаться описания, которое дал этому феномену Берт Хеллингер. Первоначально, когда его спрашивали, что именно здесь проявляется, он отвечал "это нечто таинственное". Этот феномен не имеет названия. Следующим шагом было наименование этого феномена - "знающее поле" или "ин-формирующее поле". Когда есть имя, тайна уже кажется не такой загадочной и несколько легче поддающейся восприятию. Кроме того, этот феномен наблюдался многократно и был описан. В результате не было найдено объяснения, как это работает, и это не сделало происходящее менее таинственным, но несмотря на то, что происходящее по-прежнему ускользает от понимания, постепенно оно становится чуть более изученным. С течением времени начинают производиться более точные целенаправленные эксперименты и научные исследования. В этой сфере пока делаются только самые первые шаги. То, что было абсолютно таинственным, постепенно и незаметно занимает свое место в энциклопедии человеческих знаний. И то, что было получено "в подарок", в дальнейшем становится уже не таким удивительным.

Однако, наше признание того, что происходящее есть тайна, является одной из самых важных предпосылок к работе в семейных расстановках. Хеллингер говорит об этом:

"Я считаю, что наиболее значительный источник силы для терапевта приходит от чувства соприкосновения с тайной. Например, мы приходим [в расстановке - *прим. перев.*] к преддверию смерти и понимаем, что мы не имеем никакой силы над тем, что простирается перед нами или тем, что будет происходить. Или, это может быть тайна судьбы, или те узы и ниточки, которые связывают нас вне нашего осознания, и через них мы служим чему-то неизвестному. Это есть те самые границы, у которых я останавливаюсь в безмолвии.

Это требует огромной силы - сохранять сдержанность и остановиться, достигнув границ, особенно для тех, кто только начинает работу. Ту пугающую пустоту, что стоит за тайной, трудно вынести, и мы начинаем искать объяснений, чтобы рассеять угрожающую таинственность. Это странно, но когда кто-то узнает название своей болезни, то чувствует облегчение, оттого что имеет некоторое объяснение тому, что до

этого было непостижимо, и это облегчение происходит, даже если ему назвали неверный диагноз. Также и многие религии, например, выполняют функцию создания имени тому, что не может быть объяснено, или описывают и "объясняют" тайны, которые в действительности остаются сокрыты и недоступны для понимания.

Самое правильное отношение к тайне - предстать перед ней с молчанием и уважением. Если сохраняется эта позиция уважения, из неизведанного проявляется нечто. Многие слова и возможности разрешения, которые приходят в мое сознание в течение расстановки, приходят как дар, в то время как я остаюсь стоять на границе непознанного. Если сохраняется собранное и спокойное состояние, нечто несущее помощь выходит на свет из темноты. Это может быть разрешающая картина или возможно просто понимание следующего шага, который нужно сделать. Я начинаю семейную расстановку без какого-либо знания того, куда она может привести. Я делаю первый шаг и когда я подхожу к границе, я жду, без какого-либо знания, какое действие предпринять, и затем, неожиданно, из этого уважительного ожидания на границе приходит импульс, как действовать дальше. Часто то, что приходит, так неожиданно, что тревожит вас, или это даже может показаться опасным. Если вы останавливаетесь при этом и начинаете рассуждать, может ли быть приемлемым это или что-то другое - то этот импульс моментально отступает, и вы остаетесь в бессилии.

Таким образом, здесь есть определенная задача - что-то нужно делать с тем фактом, что происходящее не может быть объяснено терапевтом. Из подавления этого желания все знать и из готовности стоять перед лицом тайны, также как и из силы, которую все это дает, рождается смелость, и есть шанс найти тот путь, который принесет помощь. Этот подход представляет собой противоположность обычному пониманию психотерапии и обучения психотерапии".

Для меня, как ведущего семейных расстановок, очень важно постоянно иметь повторяющийся опыт соприкосновения с полем, таким образом я в определенной степени имею зависимость от него. В моей работе я учусь все более и более доверять полю и позволять себе быть ведомым с его стороны.

Каждый, кто подходит к этой работе критически, должен иметь в виду повторяемость этого феномена. Тот, кто смотрит только на Берта Хеллингера, и относит его успех только к его персональной харизме, сознательно или бессознательно упускает важный аспект расстановочной практики, и это не способствует развитию компетентной, информированной критики.

Вопросы, связанные с полем и его ограничениями

В результате множества расстановок, которые были проведены Бертом Хеллингером и другими терапевтами в течение последних двух десятилетий, были собраны обширные данные о существовании поля и его протяженности.

Необходимо ли для ведущего расстановки обладать какими-либо особыми личными качествами?

Наверное каждый, кто делает свою первую расстановку, испытывает сомнения о том, способен ли он делать эту работу, думая, что, возможно, проявления ин-формирующего поля зависят от определенных личных качеств или внутренней силы особого рода. "Берт Хеллингер может это, но не я".

Вскоре вы открываете, что ин-формирующее поле проявляет себя независимо от конкретной личности. Однако, оно требует определенной концентрации и внутреннего спокойствия, что часто определяется как "собранность". Ведущий расстановки должен создать пространство, в котором возможна эта собранность.

Есть ли какая-то специальная процедура, которая стимулирует проявления поля?

Как правило, клиент выбирает заместителей для членов своей семьи и расставляет их в пространстве, прикасаясь к ним физически за руку или за плечо. Может быть, это и есть то действие, которое нужно для активации поля? Нет, я так не думаю. В моей работе, я прошу клиента выбрать заместителей для ключевых членов своей семьи - родителей и детей. Позднее, если нужны другие заместители, я сам добавляю их. Например, если требуется ввести дядю, который умер молодым, мне достаточно выбрать заместителя, дать ему место в расстановке и сказать "Ты брат матери, который умер молодым. Почувствуй себя в этой роли". Неожиданно он воспринимает чувства, присущие его роли. Заместительница матери и другие участники расстановки также непосредственно реагируют на этого нового члена.

В одной учебной группе участник выбрал заместителей, но забыл поставить их на начальные позиции и просто сел на свое место. В качестве эксперимента, я попросил заместителей почувствовать себя в своих ролях и найти свои места в соответствии со своим внутренним ощущением. Они сделали это и расположились в пространстве без какой-либо внешне заметной упорядоченности. Клиент обошел расстановку и отметил, что позиции, которые они выбрали, соответствуют ситуации в его семье.

Те участники, которые имеют большой опыт семейных расстановок, часто начинают воспринимать чувства лица, которого они замещают, уже с того момента, как их выбирают заместителем, даже иногда чуть раньше этого. Получается, что простого решения сделать расстановку достаточно для того, чтобы привести поле в движение. В течение длительных семинаров поле становится настолько сильным, что даже люди, которые не участвуют в качестве заместителей, ощущают влияние на себя ролей в расстановке.

Существует ли базовая методология ведения расстановок?

Семейные расстановки работают с минимумом информации, в противоположность таким методам, как психодрама или семейная скульптура. Поэтому то, что осознают заместители и то, как они реагируют, становится особенно ясным и заметным. Но поле проявляется также и в других областях и в другой связи, и эти проявления уже не столь заметны.

Психодраматист Грета Лейтц (Grete Leutz) пишет: "Совершенно спонтанное психодраматическое действие в незнакомой роли часто отражает, иногда даже через большой промежуток времени, реальную жизненную ситуацию и реакции людей, и это не поддается строгому объяснению, поскольку отсутствует объективное знание этой ситуации со стороны исполнителей ролей в психодраме".

Я тоже наблюдал яркий пример этого, работая в составе терапевтической театральной группы.

Участнику, который испытывал проблемы со своим отцом, было предложено сделать ролевую игру. Он выбрал кого-то на роль своего отца, и этот человек вышел на сцену. Внезапно сын сообщил: "Да, я забыл сказать, что мой отец потерял ногу на войне". Он помедлил минуту и продолжил: "Не могу сейчас вспомнить, какая это была нога". Участник, выбранный на роль отца, ответил со сцены: "Я думаю, что это правая нога".

Никто из присутствующих не обратил особого внимания на слова этого мужчины. Мне, из моего опыта, было совершенно ясно, что это было проявление ин-формирующего поля.

Что именно показывает поле? Является ли это правдой?

Заместители дают информацию о своем внутреннем состоянии и обо всем, что он замечает о своих отношениях с другими членами семьи. Например, они часто испытывают побуждение изменить свою позицию в расстановке.

В дополнение к этому, делаются некоторые комментарии по отношению к событиям в семье, которую представляет расстановка, но означает ли это, что мы получаем достоверную информацию о прежде неизвестных фактах?

Расстановки редко (если не никогда) могут служить источником для установления достоверных фактов, имевших место в реальности. Следующий рассказ участницы одной из моих групп ясно это иллюстрирует:

Как сообщила одна женщина, ее первая расстановка показала, что муж ее матери, которого она считала своим отцом, на самом деле не является ее биологическим отцом. Ее заместительница в расстановке не ощутила никакой связи с отцом. Дополнительный участник был введен в расстановку в качестве ее настоящего отца, и в результате и он и ребенок почувствовали сильную любовь друг к другу.

Эта женщина не остановилась на этих результатах расстановки. Ее отец был еще жив, и она обратилась к нему с просьбой сделать тест на определение отцовства. К ее удивлению, тест показал, что он на самом деле был ее отцом. Однако, он признался

дочери, что ее мать имела множество любовников до своей беременности, и он на самом деле испытывал определенные сомнения относительно своего отцовства.

Расстановки просто показывают энергию, существующую в семье. Есть определенный соблазн делать выводы относительно событий в семье, опираясь на то, что проявляется в расстановках, но пытаясь делать это, и терапевт и клиент вступают на очень тонкий лед. Расстановка никогда не служит надежным тестом на отцовство, к примеру. Каждый, кому нужна определенность в этом вопросе, должен предпринять соответствующее медицинское обследование.

Это важно - понимать разницу между энергиями, проявляющимися в расстановке, и реальными фактами. В этой связи приведу еще один пример, предоставленный моей коллегой, Викторией Шнабель (Sneh Victoria Schnabel):

В расстановке участница четко почувствовала, что было совершено насилие по отношению к ней со стороны ее отца. Заместитель отца подтверждал это. После расстановки, однако, сама клиентка это однозначно отрицала.

Двумя неделями позже эта женщина позвонила моей коллеге и сообщила, что она навестила свою сестру и описала ей, что проявилось в расстановке. Ее сестра расплакалась и призналась, что в действительности это она подверглась сексуальному насилию со стороны их отца.

Из этого я делаю вывод, что в семье присутствовала энергия насилия. В расстановке эта энергия ошибочно была воспринята другим человеком, а именно сестрой, в отношении которой насилие не совершалось.

Этот пример показывает, как важно быть осторожным и не делать предположений относительно реальных фактов. Такие предположения опасны, и терапевты, которые смешивают энергии, проявляющиеся в расстановках, с реальными фактами, лишь увеличивают нагрузку и замешательство участников. Один врач в психиатрической клинике рассказывал мне о женщине, которая была помещена к ним в результате расстановки, которая ошибочно проявила отцовство.

Но, в то же время, указания на неизвестные факты снова и снова проявляются в расстановках. Терапевт балансирует на тонкой грани между тем, что логически следует из расстановки, и безответственными спекуляциями.

Клиентка - единственный ребенок. В течение всей своей жизни она чувствует тревогу и вину, и не знает, откуда пришли к ней эти чувства.

После того как она расставила заместителей, отец отвернулся и стал смотреть в пол. Заместительница клиентки почувствовала слабость. На мой вопрос клиентка ответила, что ее отец был на фронте солдатом в течение 5 лет, но она ничего об этом не знает, потому что в ее семье это никогда не обсуждалось.

Очевидно, что в семье произошли какие-то события, которые остались сокрыты. Я знаю, что такого рода тайны часто связаны с войной, но я не знаю ничего определенного. Как терапевт, я не могу выдвинуть какое-то предположение относительно реальных фактов, но имеет смысл проверить определенные интуитивные предположения.

Я попросил четверых участников лечь на пол перед заместителем отца в качестве жертв войны. Отец остался спокойным, но дочь отреагировала очень сильно. Я попросил ее лечь рядом с жертвами войны, и она почувствовала облегчение. Было похоже, что она нашла свое правильное место.

Как терапевт, я по-прежнему не знаю ничего о реальных фактах в данной ситуации: например, совершил ли ее отец преступления или что-то в этом роде. Но недостаток знаний о прошлом не несет никакого вреда. Достаточно того, что чувства были прояснены.

В известном смысле, в расстановках мы сталкиваемся с истиной, но она не всегда означает истину в смысле фактических событий. Расстановка позволяет нам вступить в контакт с глубокими силами, которые действуют в скрытом пространстве семейной системы.

Может ли клиент войти в контакт с полем непосредственно, или для этого всегда требуется заместитель?

Клиент может сам войти в контакт с полем, но расстановки легче делаются с участием заместителей. Заместители проявляют больше гибкости и легче допускают происходящие изменения, в то время как реальные люди более привязаны к своим собственным интерпретациям и воспоминаниям.

Заместители играют роли, как актеры?

Да и нет. Нет, в том смысле что заместители не "играют". Заместитель отличается от актера, который исполняет заранее определенную роль. Энергии поля управляют заместителями, неся с собой и вызывая реакции, которые часто неожиданны и непостижимы, даже для самих заместителей.

Да, в том смысле, что заместители воспринимают свои действия, как выполняемые от лица постороннего человека, чье место они просто заняли на время расстановки. Заместители воспринимают это как роль и через это они, как актеры, остаются в контакте со своими собственными чувствами и мыслями, параллельно тому, что они проявляют в качестве заместителя. Например, заместитель может иметь свои собственные сомнения, возражения, чувство согласия и др.

Должен ли клиент присутствовать для того, чтобы проявилось действие поля?

Нет. Терапевт в супервизорских группах может делать расстановку семьи клиента без присутствия клиента. В моих учебных группах я был удивлен, обнаружив, что, похоже, нет никакой разницы. Пространство наполняется энергией с той же степенью интенсивности, что и в том случае, когда клиент делает свою собственную расстановку.

Расстановка представляет определенную ситуацию или определенный период

времени?

Расстановки в основном не относятся к определенному времени. То, что переживается в расстановке на определенном месте, не относится к конкретному периоду времени, но скорее к определенному внутреннему образу. Если вы привязаны к конкретному отрезку времени, вы не достигаете абсолютной глубины, которая возможна в данной расстановке.

Клиент описал ситуацию и был готов произвести расстановку, но затем неожиданно спросил: "Должен ли я расставить это так, как есть сейчас, или так, как это было раньше?" Хеллинггер прервал работу на этом месте, потому что клиент еще не имел внутренней собранности, необходимой для начала работы.

Из моего собственного опыта в подобных ситуациях, я знаю, что вопрос этого человека может стать несущественным через день-два, и он будет полностью собран и готов произвести "вневременную" расстановку.

Это поле проявляется только в расстановках семейных систем и людей?

Нет. Это поле не ограничивается семьей. В расстановках организаций могут присутствовать отдельные люди или даже отделы. Ощущения заместителей отражают ситуации, проявляющиеся в этих структурных единицах. Также поле проявляется и во многих других видах расстановок.

Актер и практикующий коуч Йоханнес Галли (Johannes Galli) разработал типологию для актеров, которая состоит из семи негативных типов характера, которые он назвал "тормоз", "восторженный дурак", "язва", "хвостун", "неряха", "скряга" и "ни рыба ни мясо".

Хотя он не знаком с семейными расстановками, он использует эти символические характеры для работы. Когда кто-то запутывается в какой-то проблеме, он выбирает заместителей для каждой из этих характеристик и размещает их в определенном порядке друг за другом в два ряда. Затем их символически просят дать совет, и они

спонтанно отвечают из своей роли. Очень забавно наблюдать, какие разные бывают ответы в зависимости от того, кто задает вопрос.

В современной практике, абстрактные понятия, такие как "жизнь" и "смерть" или даже неживые объекты могут присутствовать в расстановке. Заместитель при этом всегда имеет ясные, иногда очень сильные чувства.

Клиентка описывает свой страх оказаться зависимой от наркотиков. Я расставляю Клиентку и Наркотики (для которых она выбирает заместительницу-женщину).

Женщина смотрит прямо вперед, а Наркотики стоят непосредственно сзади нее. Я прошу обеих обратить внимание на любые импульсы, которые могут возникнуть изнутри, и прошу последовать этим импульсам, не говоря ни слова. Обе стоят без движения в течение минуты, затем женщина медленно поворачивается. Наркотики смотрят на нее пристально и с любовью и раскрывают объятия. Женщина закрывает глаза и шагает в эти объятия, где она остается в течение долгого, долгого времени.

Это дает возможность взглянуть в глубь, на уровень того, что стоит за ее страхом наркотиков. Это поле включает в себя гораздо больше, чем просто то, что мы видим в семейной расстановке. Это то, на чем основаны все виды расстановок.

[1] В английском тексте использован термин "The In-forming field", ин-формирующее поле, т.е. формирующее и информизирующее. Сейчас чаще употребляют термин "знающее поле". - прим.перев.

[2] Здесь употреблен термин "the field of wisdom"- прим.перев.